

ВОСТОК РОССИИ

DOI: 10.31857/S086919080005242-3

«ГОМАН ЛАМИНЫХ ДУХОВНЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ...
НЕ ОТПУСТИЛ НАЗАД»: О МАЛОИЗВЕСТНОМ ЭПИЗОДЕ
ИЗ ИСТОРИИ КАЛМЫЦКО-ЦИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2019

Б. У. КИТИНОВ

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>; kitinov@mail.ru

Резюме: В настоящей статье автор исследует судьбу духовенства из состава посольства Арабджура, направленного в Тибет калмыцким ханом Аюкой в 1698 г. При этом используются стандартные принципы анализа исторического материала (сравнительный, системный, проблемно-хронологический). Автор, основываясь на архивных материалах и недавно изданных работах, фокусируется на следующих вопросах: задержка посольства императором Канси и его поселение в местности Булунгир (Дан Сэртэн); возвращение Арабджуру буддийского духовенства, бывшего подчиненным ламе Бюконгину, также известного как Гоман-лама; образование императором особого поселения торгутов, формально подчиненных хану Аюке. Судьба посольства оказалась связана с важными политическими событиями, развернувшимися в Тибете и прилегающих территориях с конца XVII в. по 1723 г.: приход к власти Шестого Далай-ламы Цаньяна Гьяцо, внешняя политика джунгарского правителя Цэван-Рабдана, неудачное восстание кукунорских хошутов. Отметив имена трех лам, возглавлявших калмыцкое буддийское духовенство в конце XVII в. – 1736 г. (Дондуб Гьяцо, Бюконгин, Шакур), выпускников факультета Гоманг лхаского монастыря Дрепунг, автор подчеркивает их большую вовлеченность в политические процессы в Тибете и у калмыков. Выводы формулируются из сопоставления известных исторических фактов и сведений из архивных документов, в том числе приведенных в работах некоторых авторов, что позволяет обнаруживать ранее неизвестные или малоизвестные контексты событий, оказавших влияние на оседание калмыцких посланников в пределах границы Цинской империи. Посольство 1731 г. от маньчжурского императора к хану Аюке преследовало ряд целей, в том числе политического и военного характера, и оказало определенное воздействие на дальнейшее историческое развитие калмыков. В частности, общение с цинским посланником Мерин Зангин Мандаем в июне 1731 г. дало возможность Шакур-ламе составить свое мнение о политике Цин в отношении буддийского духовенства, что могло повлиять на его деятельность и оказать определенное влияние на сложные политические процессы у калмыков.

Ключевые слова: Арабджур, Дондуб Гьяцо, Шакур-лама, Бюконгин, Гоман-лама, Булунгир, Сэртэн, Дрепунг.

Для цитирования: Китинов Б.У. «Гоман ламиных духовных служителей... не отпустил назад»: о малоизвестном эпизоде из истории калмыцко-цинских отношений. *Восток (Oriens)*. 2019. № 3. С. 37–47. DOI: 10.31857/S086919080005242-3

“GOMAN-LAMA’S SPIRITUAL SERVANTS... WEREN’T ALLOWED TO GO BACK”: A LITTLE-KNOWN EPISODE FROM THE HISTORY OF THE KALMYK-QING RELATIONS

Baatr U. KITINOV

Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>; kitinov@mail.ru

Abstract: *At the article, using standard principles of analysis of the historical material (comparative, systemic, problem-chronological), the author examines the destiny of the Buddhist clergy from the embassy of Arabdzhur, sent to Tibet by Kalmyk khan Ayuka in 1698. The author, basing on the archival materials and recently published works, focuses on the issues: the retention of the embassy by Kangxi Emperor and its settlement in Bulungir (Dan Serten) area; the return to Arabjur of the Buddhist clergy, who had been the subordinates of the Biukongin (Bukang) lama, also known as Goman-lama; the formation, by the Emperor’s order, of a special settlement of Torghuts, who formally belonged to Ayuka khan. The fate of the embassy had been linked to the important political events that happened in Tibet since the end of the XVII century up to 1723: Sixth Dalai Lama Tsanyan Gyatso’s rule, the policy of the Dzungarian ruler Tsevang-Rabdan, the uprising of the Kukunor Khoshut. Noting the names of three lamas who headed the Kalmyk Buddhist clergy at the end of the XVIIth century – 1736 (Dondub Gyatso, Biukongin, Shakur), graduates of the Lhasa Drepung Monastery, the author emphasizes their involvement in the political processes in Tibet and the Kalmyks. After communicating with the Qing envoy Merin Zangin Manday in June 1731, Shakur-lama formulates his opinion on the Qing policy regarding the lamas, which could affect his activity in the context of complex political processes among the Kalmyks.*

Keywords: Arabdzhur, Dondub Gyatso, Shakur-lama, Biukongin, Goman-lama, Bulungir, Serten, Drepung.

For citation: Kitinov B. U. “Goman-lama’s Spiritual Servants... Weren’t Allowed to Go back”: a Little-known Episode from the History of the Kalmyk-Qing Relations. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 3. Pp. 37–47. DOI: 10.31857/S086919080005242-3

ДВА ВОПРОСА ШАКУР-ЛАМЫ

В Архиве внешней политики Российской империи (далее АВПРИ) хранится документ, содержащий обстоятельное описание встречи калмыцкого хана Церен-Дондука (годы правления 1724–1735) с маньчжурским посольством в июне 1731 г., прибывшим к калмыкам для переговоров о создании совместного военного союза против Джунгарского ханства. Наше внимание привлёк небольшой пассаж из этого документа, где излагается часть разговора Шакур-ламы (главного ламы ханства в 1718–1736 гг.) с посланниками из Пекина:

«И паки Шакур-лама спрашивал их о пустом местечке Булунгире и имеется ли какое поселение¹. Посланцы на то ответствовали поселены от них многие города и уже ныне губерния, имеется губернатор.

Спросил Шакур лама многие ли де города имеютца под губернию и что есть губернатор и много ли войск в губернии.

Посланцы на то ответствовали, губерния имеет в каманде семь или восемь правинцев а о войсках что в губерниях обретаются о том умолчали токмо сказали: несколько имеетца полковников» [Архив, дело № 11, л. 131, 131 об.].

¹ В последующем (другом) варианте протокола эта часть дана следующим образом: «Шакур лама паки спрашивал их о пустом местечке Булунгире, имеетца ли от них какое поселение» [Архив, дело № 11, л. 168].

Исследователи не обращали внимания на причину такого интереса Шакур-ламы к Булунгиру, если это «пустое местечко», и для чего уточняющие вопросы о некоем поселении и наличии войск. Между тем за этими несколькими предложениями кроется ряд событий, сыгравших серьезную роль в истории ойратов и калмыков, в первую очередь связанных с развитием буддизма у этих народов.

СУДЬБА АРАБДЖУРА

1697 год был временем важных событий в истории тибетского буддизма и связанных с ним народов. В тот год 10 апреля Ньиматан хутухту, спецпосланник десрида (sde srid) Сангье Гьяцо (sang rgyas rgya mtsho, 1653–1705), фактического светского главы Тибета, на аудиенции в Пекине сообщил императору Канси (годы правления 1662–1722), что Далай-лама Пятый Нгаванг Лобсан Гьяцо (ngag dbang blo bzang rgya mtsho, Далай-лама в 1619–1682) скончался еще шестнадцатью годами ранее, и уже есть его 15-летняя инкарнация Цаньян Гьяцо (tshangs dbyangs rgya mtsho, годы правления 1697–1706). А неделей раньше в горах Алтая покончил с собой джунгарский хан Галдан Бошогту (годы правления 1671–1697), чья армия в ряде тяжелых сражений с маньчжурскими войсками понесла большие потери. Представляется, что случайное совпадение таких событий маловероятно, скорее всего десрид, верный союзник джунгар и Галдана лично, тогда тоже сообщил ему о кончине Далай-ламы.

Эти новости, вероятно, достигли волжских калмыков в конце того же года, и хан Аюка (годы правления 1690–1724) решил отправить посольство на Восток, возможно, с целью разведки складывавшейся в Тибете ситуации, а также в отношении обстановки в Джунгарии, у кукунорских хошутов, и политики Цин в регионе. Столь ответственное дело он поручил одному из своих самых доверенных людей, Арабджуру, который приходился ему двоюродным племянником и был сыном Назара Мамута, другого известного калмыцкого деятеля, двоюродного брата самого Аюки.

Вероятнее всего, Арабджур отправился в Тибет в середине 1698 г. Делегация была значительной, в ее составе были его мать, вооруженный отряд, представители буддийского духовенства. Согласно источникам и исследованиям историков, Арабджур направился на поклонение Далай-ламе, провел в Тибете несколько лет и затем был вынужден остаться под властью маньчжуров, поскольку «ухудшились отношения между ханом Аюкой и джунгарским хунтайджи Цэван-Рабданом, который принял у себя и задержал в своих владениях 15 тыс. кибиток, уведенных с Волги сыном Аюки Санчабом (Санжипом) в 1701 г. во время конфликта с отцом» [*История Калмыкии...*, 2009, с. 374–375]. В значительной работе «Мэн-гу-ю-му-ци» («Записки о монгольских кочевьях»), изданной в 1867 г. Чжан-му и Хэ Цютао, уточняется, что Арабджур «остался за Цзя-юй-гуанем и отправил в Пекин посланца с просьбой о принятии его в подданство Китая. Император, из сострадания к его безвыходному положению, наградил его титулом и кочевьем в Сэр-тэне» [Чжан-му, Хэ Цютао, 1895, с. 153]. В попытке вернуть своих людей хан Аюка в 1710 г. направил в Пекин небольшое посольство во главе с зайсангом Самтаном Каюковым. Арабджура вернуть не удалось, но в ответ к Аюке в 1714 г. прибыло первое маньчжурское (китайское) посольство в Европу, известное как посольство Тулишэня.

В изданиях, где в том числе затрагивается ситуация с посольством Арабджура, как правило, не уделяется должного внимания его религиозному компоненту [Златкин, 1984, с. 221; Perdue, 2005, p. 215; Ноздрина, 2008]. Одной из редких работ, где этот вопрос изучается специально, является недавняя публикация Ц. Нацагдоржа, который привлек к исследованию неизвестные документы из архивов Монголии и Китая и изучил судьбу отдельных лиц и групп из состава посольства Арабджура [Нацагдорж, 2015]. Однако отдельные его выводы, на мой взгляд, нуждаются в корректировке, и прежде всего это касается значения и принадлежности духовенства, бывшего в посольстве.

Ц. Нацагдорж отмечает, что в Западной Халхе в ранний период правления императора Юнчжэна (годы правления 1723–1735) существовал особый торгутский хошун, чьи тайджи были родственниками Гоман-ламы торгутского Аюки-хана. Далее, отметив, что в специальной литературе об этом ламе имеются лишь краткие сведения, он, упоминая ряд тибетских источников и ссылаясь на работы историков Г. Лиджи (Синьцзян) и Л. Тэрбиша (Монголия), пишет, что Гоман-ламу звали Дондуб Гьяцо [Нацагдорж, 2015, с. 154]. Его дальнейший материал излагает судьбу не столько этого известного буддийского деятеля, скончавшегося в 1710 г., сколько, как он полагает, его родственников и подданных, которые и составили позже указанный выше хошун.

Считаю в данном случае, что в исследование Ц. Нацагдоржа, безусловно важное и информационно насыщенное, вкралась досадная ошибка, вызванная сложностью изучения того периода, действительно скудного на источники. Нисколько не претендуя на окончательные выводы, осмелюсь предложить несколько иную версию событий, связанных как с самим Гоман-ламой из указанного выше текста, так и с его подданными, в контексте изучения отдельных аспектов истории посольства Арабджура.

ЦИНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО 1731 г.

Важные сведения по изучаемому вопросу содержатся в хранящемся в АВПРИ письме (указе) императора Юнчжэна к калмыцкому правителю Церен-Дондуку, которое привезло цинское посольство во главе с Мерин Зангин Мандаем в 1731 г. Небольшое по объему, оно дает ценную информацию для уточнения некоторых событий, случившихся с Арабджуром и его делегацией. В деле имеется два перевода этого письма, не содержащих принципиальных разногласий в передаче некоторых нюансов, однако второй вариант представляется более корректным.

Первый текст перевода: «<...> Арабджура с ево матерью к далай-ламе для поклонения приезжавших которые по возвращении назад от контайши задержаны были и не пропущены и назад оборотитца не могли. И оного милостиво жалую знатною персоною и чином бесу [генералом], и высоким жалованьем наградил которое будет всегда получать <...> Еще гумун-ламинных служителей тангуцкой (тибетский. – Б. К.) народ удержали и назад не могли оборотитца для чего им возвратитца нельзя. И всех их собрав соединил милостивым жалованьем и наградил всех пропитанием. С левой стороны тургуцкого народа поколения всех их со своими соединил и для прокормления жалованьем наградил» [Архив, дело № 9, л. 89 об., 90].

Второй текст перевода: «И оттуда (из Тибета Арабджур. – Б. К.) возвращался Цонг Араптаном не пропущен, покойный отец мой принял Ево и с матерью под свою милость <...> также Гоман ламиных духовных служителей бывших на мольбищах у Далай ламы, тангуцкой народ не отпустил назад завладел был их, которых боктохан собрал и содержит в своей милости, питал². Потом от зенгорцов в добычь полученных торгоутов. И бывших в разных местах воедино совокупил и учиня причастными своей милости питал же» [Архив, дело № 9, л. 334 об., 335]. Перевод был выполнен 28 февраля 1731 г., письмо написано, как отмечено, «от Государствования нашего седмого году пятого месяца», т.е. в начале лета 1729 г.

Во втором варианте перевода имеется одна ремарка (т.е. то, что отсутствует в ойратском подлиннике), данная русским переводчиком в отношении личности указанного Гоман-ламы: «он же Бюконгин лама калмыцкой, по смерти которого прислан Шакур лама»

² Перевод этой части текста с ойратского оригинала, данный Ц. Нацагдоржем: «Кроме того, когда подданных шабинаров Гоман-ламы стали подчинять себе тибетцы, и они не имели возможности вернуться, [он] собрал их всех, назначил им жалование и дал подняться». Дано по: [Нацагдорж, 2015, с. 166].

[Архив, дело № 9, л. 335]. Эта ремарка позволяет совершенно по-новому взглянуть на действующих лиц и изучаемые события. Следовательно, в документе говорится о том, что в делегации Арабджура была большая группа калмыцких лам со своими шабинерами, подчиненных главного калмыцкого ламы Бюконгина (известного также как Буканг, и Гоман/Гоманг-лама), которых, когда Арабджур покидал Тибет, по каким-то причинам задержали тибетцы, однако благодаря вмешательству императора они вернулись к посланнику калмыцкого хана. Что касается самого имени (титула) *Гоман-лама*, то оно произошло от названия монастыря, где Бюконгин получил образование – факультет Гоманг лхаского монастыря Дрепунг ('bras spung sgo mang grva tshang).

Надо заметить, что в истории буддизма у ойратов и калмыков был не один Гоман-лама, и, ввиду ограниченности информации об этих деятелях, иногда сложно их различить. У калмыков и ойратов было в обычае звать выдающихся лам по названию монастыря, где они обучались. Например, имя Шакур-ламы, «присланного» к калмыкам после кончины Бюконгин-ламы, исходило из названия факультета Шакхор монастыря Дрепунг ('bras spung shag skor grva tshang), который (факультет) он возглавлял [Kitinov, 2015, p. 38].

Что касается личности Дондуба Гьяцо, о котором пишет Ц. Нацагдорж, то о нем сохранилось немного информации, хотя он сделал немало для укрепления и распространения учения Гелук у ойратов (калмыков). Этот лама был известен также как торгутский Дондуб Гьяцо (thor god don grub rgya mtsho), Ценпо-ва (Божественный) Дондуб Гьяцо (bstan po ba don grub rgya mtsho) и Тохорский Дондуб Гьяцо (stod hor don grub rgya mtsho). Одно время он был настоятелем факультета Гоманг монастыря Дрепунг ('bras spung sgo mang grva tshang); как отмечается в «Повествовании о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющегося “Брод, ведущий к удивительно благому уделу”», «на посту настоятеля Гомана [Лодоя Гьяцо] сменил великий бодхисаттва Тор-гуд Дондуб-Чжамцо, [о котором] было известно, [что он] достиг Пути Применения на стезе спасения» [*Повествование...*, 2008, с. 102]. Ученики Дондуба Гьяцо получали посвящения и учения у Пятого Далай-ламы [Ngag dbang, 2012, p. 10].

Известный индийский исследователь тибетской культуры, истории и языка Сарат Чандра Дас писал, что «монах из Дрепунга Тондуп Гьяцо, достигший второй ступени совершенства бодхисаттвы, распространил буддизм в стране торгоутов, но развитие религии было затруднено переходом торгоутов к русским» [Das, 1984, p. 154]. Как можно судить, Гоман-лама Дондуб Гьяцо был известным проповедником буддизма (возможно, главным ламой, предшественником Бюконгина) в кочевьях хана Аюки до тех пор, пока последний в начале 1684 г. не дал шерть российским властям «на вечное и верное подданство... на договорных статьях» [*История Калмыкии...*, 2009, с. 361]. Лама, очевидно, был против такого развития событий и позже решил уйти к джунгарскому Галдану Бошогту хану; возможно, на такое решение также повлияло прибытие в 1686 г. к калмыкам Придонья из Джунгарии владельца Цаган-Батора со своими подданными. Как отмечается в «Истории рабдjamбы Зая-Пандиты, именуемой “Лунный свет”» Ратнабхадры, «в семнадцатый день первого зимнего месяца³ (Бошогту-хан) остановился в своей ставке в [окрестностях реки] Кобдо. Туда (пока Бошогту-хан находился там) из <...> торгоутов прибыл Гоманг-лама» [Норбо, 1999, с. 122]. Судя по последующим событиям, он в конце 1690-х гг. оказался в Лхасе, потом был назначен наставником монастыря Литанг в Кхаме. Довольно скоро он вошел в конфликт с населением региона, где находился этот монастырь; ситуация осложнилась к концу первой декады XVIII в. В докладе на имя императора Канси, поданном в 1710 г., отмечается необходимость высылки ламы и его подданных из Литанга. При этом среди вариантов рассматривалась и местность Сэртэн:

³ 1688 г.

«Если же отправить его (Дондуба Гьяцо. – *Б. К.*) в местность Дан Сэртэн, то нет гарантии, что он в будущем не будет создавать проблем. Поэтому шестьсот семейств из Дан Сэртэна и сто с лишним человек во главе с шанзотбой, привезенные из Литана всех вместе с Гоман-ламой, следует поселить в Хух-хото» [Нацагдорж, 2015, с. 164]. В том же году Дондуб Гьяцо скончался, и его людей, судя по всему, переправили на какое-то время в Дан Сэртэн.

Ц. Нацагдорж считает, что после смерти Дондуба Гьяцо его прежних подданных в Сэртэне возглавил его племянник Нойон-цорчжи; к такому выводу он приходит на основании той информации, что Нойон-цорчжи был сыном старшего брата торгутского Гоман-ламы. Но, как уже было отмечено выше, это были два разных человека, причем если Бюконгин, он же торгутский Гоман-лама, не был в составе посольства, то его племянник вполне мог там находиться. Кроме того, надо заметить, что в документах о Дондубе Гьяцо, приводимых Ц. Нацагдоржем, нет упоминания (имен) из родственного круга Дондуба Гьяцо, речь идет лишь о его учениках и подданных, тогда как отмечается, что в посольстве Арабджура были родственники-тайджи Гоман-ламы, т.е. Бюконгина. Таким образом, те данные, что приводятся в донесении к императору от амбана Фунинга (11-й месяц 1715 г.), где отмечено, что «урочище Сэртэн, где кочуют бэйсэ Арабчжур и Нойон-цорчжи, примыкает к урочищу Цайдам, где кочует Даян-тайджи со своими подданными в местности Цаган-чулут в ущелье Гас» [Нацагдорж, 2015, с. 168], следует понимать следующим образом: бывших подданных (шабинеров) скончавшегося Дондуба Гьяцо, переселенных в Дан Сэртэн, где кочевал Арабджур, объединили с группой «Гоман ламиных духовных служителей», которые были выделены в отдельное кочевье во главе с Нойон-цорчжи – племянником Бюконгин-ламы; возможно, при таком назначении родственные связи с главным калмыцким ламой также сыграли свою роль. Более того, если доверять свидетельству Мэргэна-цорчжи, которого Ц. Нацагдорж отождествляет с Нойоном-цорчжи, такой «раскол» руководства прежнего посольства был санкционирован самим Аюкой: «<...> в письме, в прежнее время отправленном нашим Аюки-ханом, нам говорилось, что все люди, ушедшие с <...> ламой, включая как лам, так и мирян, являются моими подданными» [Нацагдорж, 2015, с. 167].

Впрочем, уже в следующем году Арабджур переселяется из Сэртэна в соседний регион Гас: «В 1716 г. Арабчжур докладом просил разрешения послужить на войне. Богдохан указал ему с 500 человек занять Газ; но он вскоре умер и ему наследовал сын его Даньчжунь... В 1731 г. вследствие сообщения Сыртынского кочевья с Цаган-чулуту на оз. Газ он, опасаясь набегов со стороны Чжунгар, просил о дозволении перекочевать в пределы Китая. Шэньсийский губернатор Чжаланга приказал ему со своими родственниками и подданными кочевать в Алашани по урочищу Алтан-тэбши. Вскоре после сего для Дань чжуна назначено было кочевье на Эцзинэй <...>» [Чжан-му, Хэ Цютао, 1895, с. 153].

На прежнем месте, в Булунгире, оставались лишь подданные Нойон-цорчжи, т.е. ламы и шабинеры Гоман-ламы Бюконгина. Однако и им не удалось надолго задержаться в этом месте: после кукунорского восстания хошутского правителя Лубсан-Данзана в 1723 г. цзянцзюнь Сычуани и Шаньси Нян Гэн Яо просил у императора дозволения «построить в местности Булунгир город и поселить там войска, на что получил разрешение. По указу императора кочевым монголам запрещалось кочевать по реке Булунгир вплоть до озера Сэртэн-нур. Нарушающих распоряжение следовало немедленно предавать казни» [Нацагдорж, 2015, с. 171]. Нойона-цорчжи с его подданными переселили в Западную Халху, где им пришлось отказаться от того особого статуса, что имели в Булунгире, когда они считались «подданными Аюки-хана» и «людьми Торгутского государства», и войти в 1728 г. в состав стандартной хошунной системы, существовавшей при маньчжурах. Так закончилось пребывание в одном месте, в Булунгире (Сэртэне), членов посоль-

ства калмыцкого хана Аюки; однако память о них как кочующих в тех местах сохранялась у калмыков, в частности у Шакур-ламы.

«... И К ЛАМАМ НЕПОЧТИВЫ...»

Шакур-лама был известным калмыцким буддийским деятелем, игравшим видную роль в политической жизни ханства в период 1718–1736 гг. Он был сыном зайсанга из улуса Доржи Назарова, близкого родственника Аюки-хана, брата Арабджура, и провел в Тибете «с лишком 20 лет» [Бакунин, 1995, с. 32]; Шакур-лама был одним из влиятельнейших духовных лиц Гелук, что позволяет допустить его значительную вовлеченность в тибетские политические процессы в первые два десятилетия XVIII в. По просьбе Аюки-хана и по согласованию с Шестым (Вторым) Далай-ламой Нгангом Еше Гьяцо (ngag dbang ye shes gya mtsho, годы правления 1707–1717) он отбыл из Лхасы, вероятно, весной 1717 г. и через два года был среди волжских калмыков.

Каков мог быть его маршрут домой? Скорее всего он проезжал через Булунгир и Джунгарию. В то время путь через Джунгарию был обычным для калмыцких посольств и паломников. Кроме того, свою роль в выборе этого пути могло сыграть то обстоятельство, что отправившийся вместе с ним из Тибета к калмыкам Намка Гелен был подданным Дарма Балы, супруги Аюки-хана, которая была двоюродной сестрой Цэван-Рабдана, правителя Джунгарии.

Что касается Булунгира, то наличие этого пункта по дороге к волжским калмыкам можно допустить, принимая во внимание подробность расспросов Шакур-ламой у посланников Пекина о ситуации в том месте. Булунгир расположен между Хами и Синином, это регион, по которому протекает одноименная река, ныне входит в состав провинции Ганьсу КНР. По-другому эта местность была известна как Дан Сэртэн. В Примечаниях к «Мэн-гу-ю-му-цзи» отмечено: «Относительно Сэртэна мы находим в И-тун-чжи следующие сведения: когда Арабчжур на обратном пути из Тибета, не имея возможности вернуться домой, вступил в подданство Китая, то он был возведен в достоинство бэйцзы с приказанием кочевать за Цзя-юй-гуанем, в местности Дан-сэртэн, называвшейся так от нахождения между реками Дан и Сэртэн. Озеро Сэртэн лежит в 300 с лишним ли на юго-запад от Шачжоу и служит важным путем в Кукэ-нор. Река Сулай, называемая также Булунгир, берет начало из Южных гор (Нань-шань), в округе Цзин-ни, под именем р. Чан-ма <...> р. Булунгир превращается в оз. Хара-нор. Длина течения этой реки более 700 ли. Образованное ею озеро имеет в окружности несколько десятков ли. Это древняя р. Нань-цзи-дуань» [Чжан-му, Хэ Цютао, 1895, с. 474, сн. 579].

Были и другие причины такого интереса Шакур-ламы к Булунгиру: в 1717 г., когда он навещал своих сородичей, там кочевали ламы и шабинеры – подданные Бюконгин-ламы, т.е. фактически его, Шакур-ламы, подданные, поскольку Бюконгин скончался, и Шакур занял его место главного калмыцкого ламы. Также мы можем отметить, что поскольку в составе посольства Арабджура было немало лиц из калмыцкого духовенства, которые так и не вернулись обратно, то такая потеря самым негативным образом сказывалась на религиозной ситуации в ханстве [Kitinov, 2015, p. 40–42].

Новости, сообщенные Шакур-ламе Мерин Зангин Мандаем, главой посольства из Пекина, оказались для него нелегкими. Он, вероятно, понял, что как в Булунгире, так и в Кукунорском регионе, а возможно – и в самом Тибете, произошли серьезные перемены. Безусловно, можно вполне обоснованно допустить, что, будучи одним из высших тибетских авторитетов, он глубоко переживал и за ситуацию в Тибете, и за своих далеких подданных. Уже через три дня после той встречи с маньчжурскими посланниками, 9 июня, Шакур-лама говорил представителю российских властей подполковнику В. П. Беклемишеву: «я де китайцов знаю, они люди гордые, а в словах лстыивы и обманчивы и к ламам

непочтивы, а своего хана возносят до небес, а о каких народах толко слухом слышали, тех сказывают своими подданными. А Далай Ламиных говорят будто их, и не толко Далай Ламиных, но и здешних калмык, а Далай Лама в их протекции никогда не бывал. А здешние калмыки кочевали от китайцов во отдалении и мало об них слышали не толко их бывали» [Архив, дело № 11, л. 133 об.].

Такие слова свидетельствуют о том, что Шакур-лама, исходя из полученных известий, не только допускал вовлеченность Пекина в тибетские дела, но и осознавал потерю для ханства и для себя лично тех духовных лиц, что были в составе посольства, как и вообще всего посольства. Он ни в коей мере не допускал и мысли о возможности благоприятного развития событий в далеком Булунгире: там уже были китайские поселения и немало войск. Кроме того, самих маньчжуров он не считал буддистами: «маньчжоры никакова закона не имеют и лам у них нет» [Архив, дело № 11, л. 134]. Судя по его последующим словам о судьбе монголов-буддистов в Цинском государстве, лама допускал использование маньчжурами религии для достижения определенных целей: «А мунгалцы хотя и того ж закона [что и калмыки], толко у маньжур в непочтении, а маньжурь ими гнушаются» [Архив, дело № 11, л. 134].

О «ТОРГУТСКОЙ» ПОЛИТИКЕ ЮНЧЖЭНА

Политика Цинской династии в сфере буддизма является практически безграничной темой. Также можно заметить, что «буддийская» политика Цин часто шла параллельно с «этнической», и это хорошо прослеживается на примере активности Пекина по отношению к тем или иным ойратским этносам/группам или ханствам. В ойратской политике императора Юнчжэна в изучаемый период происходит смещение акцентов. Если ранее, в том числе и при его отце – императоре Канси, внимание уделялось, прежде всего, джунгарам и попыткам привлечения их отдельных лидеров на свою сторону, то теперь под милости маньчжурского двора призывались другие ойратские группы, в частности хошуты. З. Ахмад в своем исследовании китайско-тибетских отношений отметил период с января 1697 г. по декабрь 1703 г., когда некоторые ойратские тайджи стали подданными империи [Ahmad, 1970, p. 329]. Торгуты также стали объектом политики Пекина. Содержание письма (указа) от Юнчжэна к Церен-Дондуку позволяет не только внести уточнения в понимание судьбы посольства Арабджура, но и отметить три явных вектора в комплексной политике Цин по отношению к калмыкам (торгутам), которая в итоге привела их к миграции в пределы Цинской империи в 1771 г.

Прежде всего, очевидно, что, несмотря на натянутые отношения между Аюкой и Цэван-Рабданом, Арабджур все же двинулся в обратный путь через Джунгарию, но джунгарский хан не позволил ему пройти дальше, ссылаясь на угрозу со стороны казахов и киргизов, поэтому калмыцкому представителю пришлось «вернуться». Возможно, он хотел возвратиться в Тибет, где оставались калмыцкие ламы, либо попытаться пройти в Россию через монгольские кочевья, но его «не пропустили» и «задержали». Судя по содержанию указа, Юнчжэн признает, что Арабджур был задержан по указанию его отца и в качестве «компенсации» его пожаловали высоким чином и жалованьем. Таким образом, налицо преемственность внимания у правителей династии к далеким калмыкам и их «беспокойство» ввиду осложнения отношений между калмыками и джунгарами.

Второе: в делегации Арабджура были калмыцкие ламы, которые, как правило, посещали Тибет для обучения, проведения служб и получения новых званий. В отношении их судьбы император не ощущает за собой вины, так как их «не пустил» «тангуцкой народ», и они остались в Тибете, вероятно в Лхасе. Сейчас не представляется возможным выяснить, как обстояло дело на самом деле, но нельзя исключить их вовлеченности во внутритибетские дела, связанные с перипетиями судьбы Шестого Далай-ламы Цаньяна

Гьяцо. Кроме того, свою роль мог сыграть и Дондуб Гьяцо, в то время также находившийся в Лхасе. Таким образом, даже такую ситуацию маньчжурский двор смог обернуть себе на пользу: видимо, число представителей калмыцкого духовенства было столь значительно, что они могли стать разменной картой в политической игре Пекина с калмыцким ханом. Поэтому император специально указал на «вину» тибетцев и свое добросердечие – он их «собрал» и милостиво «питал».

В отношении Гоман-ламы Дондуба Гьяцо в маньчжурских документах, приводимых Ц. Нацагдоржем, сказано, что он вел себя по-бунтарски, ссорился с местным населением и создавал иные проблемы. Предположу, что такая оценка его деятельности была следствием специальной политики маньчжурского двора, направленной на очернение приближенных Шестого Далай-ламы Цаньяна Гьяцо, которого Пекин не считал настоящим Далай-ламой.

Третий вектор имеет специальное значение: речь шла о формировании на территории империи особого торгутского сообщества. Слова из указа «...потом от зенгорцов в добычь полученных торгоутов. И бывших в разных местах воедино совокупил» (неудачный перевод первого варианта: «с левой стороны тургуцкого народа поколения всех их со своими соединил») в большой вероятностью означают, что император объединил всех торгутов, включая лам, оказавшихся в силу разных причин под его управлением, в одно сообщество и поселил в Булунгире. В обоснование такой политики отмечалось: «нашему срединному государству все народы благосклонны и приватны есть» [Архив, дело № 9, л. 90]. Скорее всего таким поступком император хотел показать Аюке и другим калмыцким правителям, что под его правлением торгутам жить будет лучше, чем в России: как отмечено в «Записках» Тулишэня, «велено нам четырех человек арабджуровых людей, взяв с собою, отвести их к арабджурову отцу Надзар-Мамуту, а особливо для того, дабы оной Надзар-Мамут ведал о всех высочайших его величества, священнейшего нашего хана милостях, которыя учинены его сыну Арабджуру» [*Записки Тулишэня...*, 1978, с. 457].

Скорее всего именно результаты такой «торгутской» политики Пекина определили окончательное решение Шакур-ламы на проведение прорусской политики против тех владельцев, что выступали за возврат на прежнюю родину либо могли вообще угрожать уйти в подданство Турции. Как отмечал князь генерал-лейтенант И. Ф. Барятинский в начале 1732 г., «Шакур-лама при всех случаях не оказывал себя неверным» [Бакунин, 1995, с. 85]. Вероятно, дополнительные, уточняющие сведения и о судьбе посольства, и о ситуации в Тибете и у ойратов позже доставили члены другого калмыцкого посольства, направленного в Тибет в 1729 г., за два года до описываемых событий. Документы, связанные с допросами участников посольства 1729 г., подтверждают глубокую обеспокоенность Шакур-ламы религиозной ситуацией в ханстве и его отчаянные попытки возродить влияние буддизма у волжских калмыков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Посольство Арабджура, направленное в 1698 г. калмыцким ханом Аюкой в Тибет и по ряду причин лишенное возможности вернуться домой, получило разрешение императора Канси поселиться в местечке Булунгир (Дан Сэртэн), расположенном к северу от Кукунорского региона. Особенность ситуации заключалась в наличии в составе посольства множества лам, которые вначале были задержаны в Тибете, но вскоре Канси смог собрать их и позже, совместно с другими торгутами, оказавшимися у него после столкновений с джунгарами, объединить с остальной частью посольства. Изучение архивных материалов показывает, что мнение о принадлежности указанных лам Дондубу Гьяцо, известному проповеднику учения Гелук у калмыков, следует признать ошибочным: и

они, и их шабинеры были подданными калмыцкого ламы Бюконгина. Ошибка стала возможна ввиду наличия у них обоих имени (титула) Гоман-ламы и связана с их активной деятельностью в изучаемый период. Шакур-лама, будущий глава калмыцкой буддийской общины, проходя на пути к калмыкам в 1717 г. через Булунгир, повстречался с кочевывшим там духовенством и поэтому позже, летом 1731 г., так живо интересовался их судьбой у членов делегации из Пекина. Ответы маньчжуров убедили его в кардинальных переменах в том регионе и окончательно определили его прорусскую политику в условиях борьбы разных партий среди калмыцких владельцев, выступавших за или против откочевки калмыков за пределы России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Архив внешней политики Российской империи. Фонд 62/1. *Сношения России с Китаем. Дело № 9. 1731 год* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. File 62/1. *Russian Relations with China. Case no. 9. 1731.* (in Russian)].

Архив внешней политики Российской империи. Фонд 62/1. *Сношения России с Китаем. Дело № 11. 1731 год* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. File 62/1. *Russian Relations with China. Case no. 11. 1731* (in Russian)].

Бакунин В. М. *Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года.* Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с. [Bakunin V. M. *Description of the Kalmyk peoples, and especially of them the Torgouts, and the actions of their khans and owners. The writing of 1761.* Elista: Kalmyk Publishing House, 1995. 153 p. (in Russian)]

Записки Тулишэня о его поездке в составе Цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг. *Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы.* М., Наука, 1978. С. 437–483 [Tulishen's notes on his trip to the Kalmyk khan Ayuka in 1712–1715, as a member of the Qing embassy. *Russian-Chinese relations in the XVIII century. Materials and documents.* Moscow: Nauka, 1978. Pp. 437–483 (in Russian)].

Златкин И. Я. *История Джунгарского ханства. 1635–1758.* М.: Наука, 1983. 331 с. [Zlatkin I. Ya. *History of the Dzungarian Khanate. 1635–1758.* Moscow: Nauka, 1983. 331 p. (in Russian)].

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Элиста: ИД «Герел», 2009. 848 с. [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day. Vol. 1. Elista: Gerel Publishing House, 2009. 848 p. (in Russian)].

Нацагдорж Цонгоол Б. Калмыцкий хошун в Халхе в начале правления Юнчжэна (1728–1731 гг.). *Трансграничные миграции в пространстве Монгольского мира: история и современность. Сборник научных статей.* Под ред. М. Н. Балдано, Б. З. Нанзатова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. С. 152–195. [Natsagdorzh Tsongool B. Kalmyk khoshun in Khalkha at the beginning of Yongzheng's reign (1728–1731). *Cross-border migration in the space of the Mongolian world: history and modernity. Collection of scientific articles.* Ed. by M. N. Baldano, B. Z. Nanzatov. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publishing House, 2015. Pp. 152–195 (in Russian)].

Ноздрина И. А. Калмыцко-цинские отношения в первой трети XVIII в. и позиция России. *Международные отношения в Центральной Азии: история и современность Материалы научной конференции.* Под ред. И. В. Анисимовой, Ю. А. Лысенко. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. С. 101–110 [Nozdrina I. A. Kalmyk-Tsin relations in the first third of the XVIII century and the position of Russia. *International Relations in Central Asia: Past and Present. Materials of the scientific conference.* Ed. by I. V. Anisimova, Yu. A. Lysenko. Barnaul: Altai State University Publishing House, 2008. Pp. 101–110 (in Russian)].

Норбо Ш. *Зая пандита (материалы к биографии).* Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. 477 с. [Norbo Sh. *Zaya pandita (Materials to the Biography).* Elista: Kalmyk Publishing House, 1999. 477 p. (in Russian)]

Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного учёного и сиддха, называющееся «Брод, ведущий к удивительно благому уделу». Введ., пер., коммент. Н. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 311 с. [The Story of the Life of the All-knowing

Jamian-Shadbi-Dorzhe, a Powerful Scholar and Siddha, Called "Wade, Leading to a Surprisingly Good Fate". Introduc., transl., comments by N. Tsyrempilov. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publishing House, 2008. 311 p. (in Russian)].

Чжан-му, Хэ Цютао. *Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях)*. Пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1895. 487+92 с. [Chzhan-mu, Khe Tsiutao. *Men-gu-iu-mu-tsi (Zapiski o mongol'skikh kochev'iax)*. Translated into Russian by P. S. Popov. Saint Petersburg: Parovaia skoropechatnia P. O. Iablonskago, 1895, 487+92 p. (in Russian)].

Ahmad Zahiruddin. *Sino-Tibetan relations in the seventeenth century*. Roma: Istituto italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1970. 345 p.

Das S. C. Rise and Progress of Buddhism in Mongolia (Hor). *Tibetan Studies: Sarat Chandra Das*. Ed. A. Chattopadhyaya. Calcutta and New-Delhi, 1984. Pp. 149–161.

Kitinov Baatr. Shakur Lama: the Last Attempt to Build the Buddhist State. *Buddhism in Mongolian History, Culture and Society*. Ed. Vesna Wallace. Oxford: Oxford University Press, 2015. Pp. 37–52.

Perdue P.C. *China Marches West. The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005, 752 p.

Ngag dbang blo bzang rgya mtsho. *Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i rnam thar du ku la'i gos bzang*. Vol. 3. Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2012. 406+3 с. (In Tibetan.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КИТИНОВ Баатр Учаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Baatr U. KITINOV – PhD (History), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.